

Наука особого назначения (начало)

Окончание в номере за 23.03.2012

Что дает научно–технический прогресс человечеству, наверное, никому не надо объяснять. Действительно, благородные цели, которые ставили его приверженцы — победить нужду, обеспечить материальное изобилие, превзошли всякие ожидания. Но стали ли люди в результате добрее, счастливее? Сложно сказать. Скорее, нет. А вот интенсивность жизни стала намного выше. В мире стабильности не прибавилось. Государства как конфликтовали между собой, так и продолжают конфликтовать. Внутри самых экономически развитых стран растут протестные настроения. Причем далеко не «мир голодных и рабов», рискуя самым ценным — жизнью, идет на баррикады, свергает по «цветным» сценариям правительства, ввергая страны в кровавый хаос. Это сегодня. А что будет завтра? Почему так происходит, в чем причины? И что думают по этому поводу обществоведы? Какие задачи сегодня они ставят перед собой, с какими проблемами сталкиваются в своей работе? Об этом в конференц–зале редакции говорили заместитель председателя президиума [НАН Беларуси](#), академик Александр ЦЫГАНОВ; академик–секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН, доктор исторических наук, профессор Александр КОВАЛЕНЯ; директор [Института философии НАН](#), кандидат философских наук, доцент Анатолий ЛАЗАРЕВИЧ; директор [Института социологии НАН](#), доктор социологических наук, профессор Игорь КОТЛЯРОВ; директор [Института истории НАН](#), кандидат исторических наук, доцент Вячеслав ДАНИЛОВИЧ; главный редактор редакции журнала «Беларуская думка», кандидат исторических наук, доцент Вадим ГИГИН.

«СБ»: Зачем вообще изучать гуманитарные науки? Может, достаточно только развивать естественные, технические науки, совершенствовать экономическую сферу, а все остальное в обществе само собой обрзается?

А.Цыганов: Сегодня в обществе существуют два полярных взгляда на место и роль гуманитарной научной сферы. Одни говорят, что роль гуманитарных наук возрастает, другие, наоборот, снижается. Аргументируя это тем, что наступила техническая эра — 5–й и 6–й технологические уклады, которые и определяют развитие современного общества. Хотя я сам не гуманитарий по образованию, я химик, но я глубоко убежден, что такая точка зрения в корне неправильная.

Гуманитарная сфера всегда лежала в основе всех исследований как в мировой, так и в нашей национальной науке. И если обратимся к истории Национальной академии наук, то увидим, что она была создана в 1929 году на базе Института белорусской культуры.

А.Коваленя: Современные тенденции развития общества указывают на то, что в XXI веке, наоборот, общественная потребность в гуманитарных знаниях будет постоянно расти. Как бы мы ни относились к глобализации, следует признать, что это объективный процесс, который отменить и повернуть вспять нельзя. Она независимо от нашей воли воздействует на стандарты качества жизни, принятые в обществе, на социальные установки и ценности. Меняется социальная структура обществ, меняется сам человек. Возникают социальные перекосы, противоречия переходят в конфронтацию и завершаются разрушительными конфликтами, от которых страдает и социальная сфера, и экономическая.

А.Лазаревич: Перекосы современного общества очевидны всем. Современная цивилизация чаще всего «штампует» людей с несформированной гуманитарной культурой, неотзывчивых, нелюбознательных потребителей. Лишний раз напомним пророчество, которое дал великий ученый, нобелевский лауреат Клод Леви-Строс: XXI век должен стать веком гуманитарного знания. Или его не будет вообще. Из истории мы знаем, что раньше в университетах обязательно изучали «тривий» — грамматику, логику и риторику. Это было как бы пропуском в мир образованных людей. Со временем распространилось мнение, что в наш век скоростей, век технологий, век массового потребления достаточно быть хорошим специалистом в своей узкой сфере. Но, как оказалось, это век не только потребления, но и эгоизма, насилия, агрессии...

«СБ»: ...И бездуховности. Странное время: материальные блага почти как при коммунизме «льются полным потоком», а прибавления довольных жизнью и счастливых почему-то не наблюдается. Чем комфортнее становится жизнь людей в материальном плане, тем больше дискомфорта испытывают в психологическом.

А.Лазаревич: Перед нами — целый клубок проблем. Вещизм, как и падение нравов, как и рост девиантного поведения, утрата смысла существования, суицидальные настроения — это лишь некоторые проявления на первый взгляд незаметного, но чрезвычайно опасного для общества духовного кризиса. Молодежь, можно сказать, живет в виртуальных мирах. Кто-то находит смысл жизни в бесконечных покупках, в показной роскоши при внутренней пустоте либо в употреблении алкоголя и наркотиков. Кстати, страны Запада столкнулись с такими явлениями раньше нас и уже начали вырабатывать механизмы противодействия.

В.Гигин: Действительно, процессы, лежащие в основе этих явлений, требуют детального исследования. Сегодня важнейшая функция политики состоит в том, чтобы чувствовать общество, оценивать правильно те сигналы, которые подают социологи, и эффективно реагировать.

А.Лазаревич: Понятие «гуманитарная безопасность» не менее весомо, чем безопасность экономическая, продовольственная, энергетическая. Обеспечить ее — значит выработать «культурный иммунитет», способность общественного организма преодолевать кризисы и выходить из них еще более сильным. И в нашем институте этим проблемам уделяется самое серьезное внимание.

«СБ»: Раньше было принято считать рост уровня материального благосостояния условием стабильности и процветания общества. Сегодня мы видим, что это далеко не так.

А.Лазаревич: Почему-то рост материального потребления считается едва ли не универсальным индикатором благополучия. На нем концентрируют государственные усилия. При этом, к сожалению, забывают, что человек — это и биологическое, и духовное существо. Он живет в двух «параллельных мирах»: среди вещей и денег, с одной стороны, и среди идей, ценностей и верований — с другой.

«СБ»: Но сегодня в России, как мы знаем, государство расхатывали не голодные, а «революционеры в норковых шубах». Да и в Ливии народ не бедствовал.

А.Лазаревич: Если переходить к сущности социального протеста, то он в той или иной форме практически неизбежен в любой стране. Покажите мне страну, где люди искренне любят свое правительство и считают его наилучшим? Покажите мне того, кто никогда бы не выражал недовольство родителями, начальником на работе, милицией или чиновниками? Выражение недовольства властью — обычное явление социальной жизни, известное с первобытных времен. Главное, чтобы это недовольство выражалось в рамках закона, не приводило к насилию, не ущемляло интересы других людей. Безусловно, у всех протестных настроений есть причины, движущие силы. И даже заказчики. Не все так просто.

А.Коваленя: Возьмем, к примеру, 1861 год. Царь Александр II отменил крепостное право — свобода. В это же время появляется тайная революционная организация «Земля и воля». Позднее на ее основе возникают другие — «Черный передел» и «Народная воля». Причем их организовали далеко не бывшие крепостные. Царя—«освободителя» убивают. В 1863 году вспыхивает восстание Калиновского. Октябрьская революция тоже возникла не на пустом месте. Там не только низы, но и верхи были заинтересованы в том, чтобы взять власть. Буржуазии было мало капитала, ей нужна была власть.

А.Лазаревич: Если государством не предусмотрены механизмы для того, чтобы направить в нужное русло, не дать разгореться протестным настроениям, всплеск активности может возникнуть более или менее спонтанно и двинуться в непредсказуемом направлении, не на созидание, а на слом. Это, кстати, один из больших рисков, стоящих перед высокотехнологичной цивилизацией. Именно поэтому в наших научных исследованиях большое внимание уделяется феномену сети, сетевым формам взаимодействия и общения. Это естественная среда для формирования таких настроений и действий.

А.Коваленя: На наших глазах меняется многое в сфере коммуникации людей. Активно входят в повседневную жизнь цифровое телевидение, мобильная связь, интернет. Необходимо признать, что эти новые коммуникационные средства не только насытили наше общение, но и вторглись в сферу языка, наполнив его ранее неизвестными символами.

«СБ»: А интернет стал большей реальностью, чем сама реальность. Именно из этого не совсем чистого источника в основном черпают информацию, формируют мировоззрение молодые люди. Оттуда идет подпитка и «денежно-вещевой» психологии...

А.Коваленя: Эти технологические новшества меняют возможности общения для десятков миллионов людей, возникают совершенно невиданные ранее возможности для манипулирования сознанием людей.

Еще один важный фактор, который следует озвучить, — это развитие современных биотехнологий, способных улучшить саму человеческую природу. Специалисты считают, что это, пожалуй, самый дерзкий вызов современности, брошенный самим человеком. Некоторые ученые утверждают, что в ближайшие 50 лет искусственный интеллект, нанотехнологии, генетическая инженерия и когнитология позволят людям забыть об ограниченности человеческого тела. Сегодня немногие представляют будущее развитие земной цивилизации, что ждет нас буквально через считанные годы.

«СБ»: То есть те гигантские возможности, которые дает научно-технический прогресс, могут

поставить под угрозу даже существование самого человека. И это может произойти тихо и незаметно, без всякой войны...

А.Коваленя: В этой связи возникают закономерные вопросы. Какой вектор развития избрать в условиях обозначенных вызовов? Какие меры необходимо предпринимать сегодня и в будущем для сохранения национально–государственных приоритетов?

А.Лазаревич: В наше время естествознание, все достижения технического прогресса должны оцениваться с точки зрения влияния их на человека, на общество не только сегодня, но и в будущем. Более важным критерием становится уже не экономическая выгода, а общественная.

А.Коваленя: В наше непростое время некоторые склонны возложить определенную ответственность на гуманитарно–обществоведческую науку за кризисные явления в обществе. Отсюда возникают идеи для принятия непродуманных решений, направленных на ломку гуманитарной науки. Опыт свидетельствует, что в недалеком будущем это принесет колоссальный общественно–политический вред. Именно эта озабоченность была высказана Президентом на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и научно–педагогическим работникам 7 февраля текущего года.

А.Лазаревич: Интересно, читая материалы нашего обсуждения, что подумают представители естественных, технических наук? Мол, гуманитарии преувеличивают свою роль в обществе. А где результаты их труда?

А.Цыганов: Известно, что большинство выдающихся ученых–естествоиспытателей мирового уровня не ограничивались только изучением своих узкопрофессиональных проблем. Рано или поздно они упирались в необходимость философского осмысления своих теорий. Это неизбежно для ученого, который хочет понимать не только значение своего открытия, допустим, для экономики, но и какое возможное воздействие оно окажет на общество, на экологию.

В.Гигин: Люди, которые говорят, что ставку нужно делать только на прикладную науку, не понимают, что ее не бывает без фундаментальной науки. А фундаментальной науки не бывает без гуманитарной. Практически все великие ученые, такие, например, как Декарт, Ньютон, Бор, Рассел, Капица и так далее, они либо имели высокую гуманитарную подготовку, либо сами были крупными учеными–философами. Например, нам даже сложно определить, в чем больший вклад Рене Декарта: в физике, математике или философии. В философии он известен даже как основатель целого философского направления — картезианства. Или Нильс Бор, который не только занимался исследованиями атомного ядра, созданием атомной бомбы, он занимался разработкой теории, как человечеству жить в эпоху ядерного оружия.

А.Коваленя: Сегодня некоторые прагматики чрезмерно активно отстаивают позицию о необходимости сокращения ряда исследовательских направлений белорусской научной школы. В том числе в области физики и математики. Аргументируют это тем, что сегодня в мире очень много производится в этой сфере научных разработок и многое дешевле купить за рубежом, чем создавать самим. Внешне идея, безусловно, привлекательная. А по существу, ведущая в тупик. Да, некоторые разработки и технологии выгоднее купить, чем создать самим. Но ни для кого сегодня не является секретом, что заполучить результаты самых современных разработок практически невозможно. Об этом свидетельствуют масштабы промышленного шпионажа в мире. И многочисленные международные скандалы, связанные с этим. На продажу, как правило, выставляются технологии не самые передовые.

Это что касается техники и технологий. А скажите мне, кто и в какой стране будет

заниматься разработкой социальных технологий, которые бы учитывали наши социокультурные, национально–исторические и другие особенности нашего общества?

В.Гигин: Во многом те претензии, которые предъявляются нашим гуманитариям, как мне кажется, связаны с засильем так называемых технократов в области образования и управления. Технократизация образования, да и вообще науки может принести только вред. В 1850 году в Российской империи, это были времена самого застойного периода в российской истории, отменили преподавание философии. Министр народного просвещения князь П.А.Ширинский–Шихматов отозвался о ней примерно так: польза неочевидна, а вред весьма возможен. И в результате этого шага в направлении дегуманизации образования, я считаю, Россия и получила подъем революционной волны 60–х годов XIX века.

В.Данилович: Без гуманитарного образования мы получим, грубо говоря, биологических роботов. Они будут хорошо владеть технической специальностью, владеть иностранным языком и ничего не знать и не ценить из истории своей земли, народа.

А.Коваленя: Для них родина будет там, где больше заплатят.

«СБ»: Александр Риммович, как вы относитесь к тому, чтобы расформировать гуманитарное отделение и передать ученых университетским кафедрам?

А.Цыганов: Категорически против. И вот почему. Во–первых, действующая сегодня структура Академии наук и взаимодействие ее с университетами сложились исторически. И даже не во времена Советского Союза, а намного раньше. За образец была взята система, существовавшая в Германии, у истоков которой стоял великий немецкий философ и математик Лейбниц. Эта система достаточно эффективно работает. А что мы получим, затеяв такую грандиозную реорганизацию гуманитарной сферы? Ничего. У нас и сегодня неплохая связь с коллегами из университетов. Кроме своей основной преподавательской работы, они участвуют в выполнении наших исследовательских программ. Мы помогаем им в работе по улучшению качества учебного процесса в вузах, участвуем в создании стройной идеологической системы образования в вузах и школах.

А.Лазаревич: Президент справедливо отметил: органы управления испытывают определенный голод в информационно–методическом обеспечении со стороны гуманитарной науки, когда речь идет о принятии коренных для страны решений. И если можно импортировать какие–то промышленные технологии, то откуда же нам завезти свою историю, философию, культуру, идеологию? Нужно не сокращать сферу гуманитарного образования, а расширять. Разве оказался бы лишним нам, к примеру, институт евразийской интеграции, институт политико–правовых исследований? Или институт психологии, которого до сих пор нет в Беларуси?

В.Гигин: Человек, который не совсем ясно представляет, как действует научный механизм, действительно может подумать, что зачем нам еще какие–то институты по истории, философии и так далее, если у нас в стране столько университетов. 45 государственных и 10 негосударственных. Хорошо, распределим обществоведов по кафедрам, и что потом? Сегодня Академия наук и гуманитарное отделение ее выполняют роль координирующего центра всех исследований. В том числе и которые проводятся на кафедрах университетов. Они после упразднения гуманитарного отделения останутся, как говорится, слепыми и глухими. Они не будут видеть, куда им двигаться.

«СБ»: А куда они сегодня двигаются? Изучают абстрактные философские конструкции мыслителей прошлого?

А.Цыганов: Ученые не замыкаются только на изучении истории философии, на

исследовании философских трудов мыслителей далекого прошлого. Они изучают процессы, происходящие сегодня не только в нашей стране, но и во всем мире. Причем в самых разных сферах. Недавно, например, Институт философии проводил конференцию «Роль семьи и женщины в современном мире». В ее работе принимали участие ученые из России, Украины, Ирана, других стран дальнего зарубежья. Понятно, что мнения по данной проблеме высказывались самые разные, иногда противоположные. Но это позволяет глубже понять современные мировые тенденции, увидеть дальнейшую перспективу развития этой общественной сферы в той или иной стране, учесть возможные негативные последствия.

И.Котляров: Нами, например, разработана новая модель гражданского общества. Сегодня, как свидетельствуют исследования, смысл этого понятия искажается. Особенно это заметно из заявлений так называемой политической оппозиции. Нигде в мире гражданское общество, как правило, не противопоставляется государству, как это пытаются доказать они. Гражданское общество должно выполнять те функции, которые по тем или иным причинам государство не может эффективно выполнять.

В.Данилович: Точно так же мы видим и опасность разного рода интерпретаций истории нашей страны. И этим действительно активно занимаются некоторые политические силы в своих интересах.

А.Цыганов: При всем уважении к физике, химии и математике и другим наукам они в большей степени интернациональны. А что касается исследования нашей истории, разработки нашей идеологии, то никто, кроме нас, этим заниматься не будет. Ни россияне, ни тем более немцы или американцы. А если кто-то и затронет в своих работах нашу национальную проблематику, то понятно, что она не будет освещаться системно, полно и объективно.

В.Гигин: Может, это кого-то удивит, но в вузах к гуманитарным наукам относят иностранные языки и даже физкультуру. И когда говорят о сокращении преподавания гуманитарных наук, речь заходит, как правило, о философии, истории и политологии. А на иностранные языки число часов увеличивают, аргументируя это тем, что каждый специалист после вуза должен хорошо владеть языками. Не хочу обидеть преподавателей иностранных языков, но я не знаю ни одного примера, чтобы студент овладел иностранным языком только за время обучения на вузовской кафедре.

А.Лазаревич: Конечно, можно спросить, а что конкретно может предложить философия в плане противодействия манипуляциям извне общественным сознанием? К примеру, нами был предложен проект по созданию электронного учебного пособия по формированию медиакомпетентности и информационной культуры личности. Умению самостоятельно определять недобросовестную пропаганду, относиться к ней критически, спокойно пропускать «сквозь уши», не «затыкая ушей» и не требуя, чтобы все вокруг «заткнули». Это тоже важная часть информационной грамотности. Ее нужно формировать у самых широких слоев населения.

«СБ»: Тем более что сегодня со стороны Запада оказывается массированное идеологическое давление. С использованием самых современных технологий манипуляции сознанием. Навязывается, например, комплекс ущербности: «у нас все плохо, а у них все хорошо». Хотя это еще надо посмотреть, чьи ценности чище и лучше. И не мешало бы проанализировать...

А.Лазаревич: Все эти вещи необходимо изучать, оценивать и прогнозировать еще перед тем, как подступаться к идеологии своей страны. Если мы хотим построить сильную, действующую идеологию, а не искусственную доктрину «на глиняных ногах», которой

постоянно нужны будут административные подпорки, мы должны очень много учиться и у Запада, и у Востока, изучать опыт разных стран — в сферах образования, в массовой информации и коммуникации, в культуре. И разобраться, как сказал Президент, в каждой политической и социальной технологии, которая используется, изучить как можно больше способов такого воздействия на массы, на их сознание. Но это не задача университетских преподавателей. Над этим должен работать специальный научный центр.

«СБ»: Но почему, вместо того чтобы активно работать на идеологию, создавать свои технологии противодействия влиянию извне, гуманитарная наука, похоже, больше озабочена проблемой собственного выживания? Что мешает ученым работать и зарабатывать деньги?

А.Цыганов: Да, ученый должен зарабатывать деньги. Но ученый ученому рознь. Тот, кто работает в технической сфере, создает что-то новое для материального производства, он, безусловно, имеет возможность зарабатывать и должен зарабатывать. Ученый же, работающий над исследованием социальных проблем, изучением наследия прошлого, он созидатель в сфере духовной, в сфере идеологической и к рынку не имеет прямого отношения. Их результаты не всегда ощутимы в обществе, они работают на будущее страны.

А.Лазаревич: Результаты социально-гуманитарных исследований идут, прежде всего, на внутреннее потребление. И чтобы не выпрашивать у государства деньги под различные программы, нужно подумать о создании ряда научных фондов. Развивать меценатство в науке, как это было когда-то в нашей истории.

В.Гигин: Мы должны все же понять и в чем-то смириться с тем, что одним государственным бюджетным финансированием мы науку не вытянем.

А.Лазаревич: Может быть, нужно создавать в стране несколько научных фондов, в том числе и для поддержки гуманитарных наук?

В.Гигин: Эту задачу можно решить за счет государственно-частного партнерства. Опыт такой в стране есть. Я имею в виду спорт. Там ставится конкретная задача добиться таких-то результатов и привлекаются дополнительно частные средства. Мне кажется, что именно такая схема сможет поднять нашу гуманитарную науку на уровень, отвечающий самым современным требованиям. Я не думаю, что если у нас в таком случае появятся крупные, всемирно известные ученые, такие как, скажем, Гегель, Хайдеггер, Карамзин, Довнар-Запольский и так далее, это меньше прославит Беларусь, чем успехи наших спортсменов. Да, спорт, «Евровидение» и другие вещи, я не против, это хорошо. Но есть же, кроме этого, и интеллектуальный потенциал, который тоже нужно развивать.

Автор публикации: Иван КИРИЛЕНКО

Фото: Александр РУЖЕЧКА

Наука особого назначения (окончание)

Начало в номере за 22.03.2012

А.Лазаревич: Поэтому нам в области гуманитарного научного производства нужны не «заводы»—гиганты и не «кустарные мастерские» при кафедрах, а сеть современных мобильных «фабрик мысли», хорошо управляемая и подчиненная, может быть, напрямую Администрации Президента. И если речь идет о том, что гуманитарная наука не оправдывает ожиданий, то давайте делать так, чтобы наши институты получали четкие задания от конкретных ведомств, получали бюджет на выполнение именно этих работ и отвечали за качество исполнения.

В.Гигин: Надо признать честно, что за последнее время университетская наука заметно сдала свои позиции. Вопрос в учебной нагрузке. Она совершенно разная у профессора на Западе и у нас. Там профессор, занимающийся серьезными исследованиями, проведет в неделю одну — две лекции и дальше работает в своей лаборатории. Он не бегаёт, как наши доценты, по аудиториям, не закрывает часы, не носится с кипой бумаг, отчетов, не ведет воспитательную, кураторскую работу. На исследования просто времени не остается.

А.Лазаревич: А кто-то думает, что, расформировав [Институт философии](#), в котором работают всего 45 человек, он сэкономит серьезные деньги для бюджета. И я далеко не уверен, что в таких условиях можно было бы реализовать те государственные проекты, над которыми мы сегодня работаем.

А.Цыганов: Отделение гуманитарных наук и искусств у нас сравнительно небольшое. В его составе институты социологии, философии, языка и литературы, искусствоведения, этнографии и фольклора, экономики и истории. Их исследования широко используются во многих сферах, в том числе и в системе образования. В основе учебников, учебных пособий для вузов и ссузов лежат фундаментальные научные исследования ученых Академии наук. Многие учебники и учебные пособия созданы в соавторстве с учеными университетов, методистами и учителями. Мы также являемся рецензентами учебных программ, учебных планов. Нельзя не отметить и тот факт, что именно исследования и разработки гуманитарного отделения академии положены в основу нашей идеологии. Социологический мониторинг, проводимый учеными Института социологии, ложится в основу управленческих решений. Как на уровне государства, так и на уровне различных госучреждений.

В.Гигин: Без использования результатов социологических исследований невозможно принимать управленческие решения, двигаться вперед. Другое дело, что у нас многие разработки и социологов, и политологов оказывались невостребованными на протяжении ряда лет. И в результате, как мне кажется, некоторые ученые утратили навыки практического применения своих знаний. Можно, конечно, передать гуманитарную науку в вузы. Но нам при этом придется столько сломать, что еще неизвестно, насколько эффективной будет новая система и что будет на месте сломанного.

И.Котляров: В США, например, без данных социологов никто, скажем так, шагу вперед не сделает. Они выполняют исследования и для

государственных политических и экономических учреждений, и для кандидатов на выборные должности, и для частных компаний.

«СБ»: Иногда ученых критикуют за то, что их статьи носят созерцательный характер: описывается, скажем, негативное явление и дается оценка. И все. Конкретных выводов, рекомендаций, как с ним бороться, нет.

А.Лазаревич: Не могу согласиться с тем, что в наших работах отсутствуют конкретные выводы и предложения. Количество актов внедрения результатов нашей работы в образовании, в идеологической, в экологической областях и т.п. — измеряется десятками. Экспорт научных услуг, к примеру, [Институтом философии](#) также за последние годы возрос в несколько раз. И не абстрактные рассуждения мы продаем за рубеж, а конкретные методики, востребованный аналитический продукт.

А.Цыганов: Наши философы и историки вносят огромный вклад в патриотическое воспитание молодого поколения. Причем работы их на очень высоком уровне выполнены. Это не только мое мнение. Это мнение наших российских и украинских коллег. И не только их. Возьмем, к примеру, учебники по истории Великой Отечественной войны, созданные в сотрудничестве с учеными [Института истории](#). У меня нет оснований им не верить. Это лучшее, что создано не только на постсоветском пространстве, но и во всем мире.

А.Коваленя: Отмечу, что учеными [Академии наук](#) подготовлена концепция таких национальных музеев, как музей археологии, музей Национальной академии наук, музей Беловежской пущи...

В.Данилович: Концепцию Национального исторического музея мы разработали фактически на общественных началах.

А.Коваленя: Не так давно приезжали польские ученые, очень удивлялись и восхищались нашими разработками. И все это сделали мы собственными силами наших специалистов: историков, этнографов, культурологов, художников. А как завидовали поляки и литовцы, когда увидели «Большой исторический атлас Беларуси», энциклопедию Великого княжества Литовского, книги метрик ВКЛ. Об этом говорил посол Литвы руководителю нашей Академии наук. Сейчас мы издали первую книгу истории белорусской государственности. Ни у украинцев, ни у россиян, ни у поляков нет подобного издания. Уверен, силами ученых кафедр университетов вряд ли было бы это возможно сделать.

А.Лазаревич: Президент в одном из выступлений высказал обеспокоенность, что наша белорусская история может раствориться в польской и литовской истории. Есть немало мыслителей, политических деятелей, деятелей искусства, культуры, которые жили и работали и у нас, и у них. Но, как оказывается часто, они «принадлежат» только их истории, а не нашей. Поэтому наш институт сегодня работает над проектом издания 6-томной «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси. С древнейших времен до современности». Уже первые два тома вышли. К нему также будет подготовлено и 6 томов «Антологии».

В.Данилович: Уровень работ действительно очень высок. Подавляющее большинство из них не имеют аналогов в отечественной и зарубежной исторической науке, а значит, являются инновационными. Как, например, «Большой исторический атлас Беларуси», первая книга фундаментальной коллективной монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.» и так далее.

За последние 5 лет коллективом нашего института, в котором трудятся 7 лауреатов Государственной премии, подготовлены и опубликованы 81 монография, 58 сборников научных трудов и материалов конференций, 64 учебника, учебных и учебно–методических пособий, 176 атласов и карт, 14 брошюр, 17 археографических изданий.

А.Коваленя: Мы недавно отправляли своих молодых археологов на стажировку во Францию на 3 месяца. По приезду они мне сказали, что многим вопросам методики проведения археологических исследований не нам надо у них учиться, а им у нас. Но общаться с коллегами из других стран нужно постоянно. Обмениваться опытом, работать с архивами. Ведь в основном большинство важных для нас исторических документов находится в архивах России, Польши, Литвы, Украины.

В.Данилович: Мы часто говорим об активизации сотрудничества с зарубежными научными организациями, выполнении работ на полученные гранты зарубежных фондов. Но к этим вещам, я считаю, нужно относиться с очень большой осторожностью. Ведь грантодатели, выделяя деньги, требуют, чтобы историю мы представили так, как они хотят.

А.Лазаревич: К сожалению, нашим молодым исследователям легче получить грант из–за рубежа, чем найти источник финансирования в своей стране.

В.Гигин: В 2009 году, по–моему, СТВ снимало фильм, посвященный 70–летию воссоединения с Западной Белоруссией. Некоторые гродненские историки приводили примеры о том, какой была польская оккупационная политика, рассказывали о страшных фактах жутких расправ над повстанцами во время Скидельского восстания. Когда их попросили рассказать все это перед телекамерой, они категорически отказались. Причина, оказывается, в том, что они боялись, что после этого им Польша не даст въездную визу, не допустит к архивам. Да и на гранты можно не рассчитывать.

А.Лазаревич: Но в целом восприятие Беларуси на Западе, исключая политиков, — не хорошее и не плохое. В сознании людей это по большей части все еще «белое пятно» на карте. В какой цвет будет «раскрашено» это пятно, во многом зависит от людей науки и культуры. Очень важно показать, что Беларусь — это не только драники, зубры и — в лучшем случае — Мирский замок. Это более тысячи лет словесности и духовной культуры. Это оригинальные философы, ученые, в том числе внесшие весомый вклад в культуру других стран. Долгие годы и десятилетия об этом мало кто вспоминал, разве что в научных кругах.

Я уже отмечал, что мы издаем «Историю философской мысли Беларуси», «Историю эстетической мысли Беларуси». Этих книг не найти в свободной продаже, за ними охотятся в Украине, Польше, Литве, других странах. А недавно мы задумали идею серии ярких, рассчитанных прежде всего на молодежь, видеороликов, рассказывающих о жизни и творчестве выдающихся деятелей интеллектуальной истории Беларуси. Такие ролики можно не только размещать на телевидении, но и продвигать через YouTube.

В.Данилович: Мы считаем актуальной подготовку серии популярных изданий для детей — «Страницы истории и культуры Беларуси», в которой с привлечением историков, литераторов, филологов, художников, культурологов, фольклористов и этнографов должно быть доступно и интересно изложено богатейшее белорусское историко–культурное наследие. Работаем и по многим другим направлениям...

А.Коваленя: Газеты не хватит, чтобы все перечислить.

А.Лазаревич: Да, недавно высказал Президент упрек обществоведам, что они не исследуют проблематику евразийской интеграции, не разрабатывают практические рекомендации по тем или иным направлениям. Мы откликнулись мгновенно. Создали центр стратегических европейских и евразийских исследований. Сейчас готовим аналитический доклад руководству Академии наук и других государственных органов. У нас очень много публикуется работ именно по самым важным проблемам как внутри страны, так и в мире. Другое дело, если этого кто-то не хочет замечать.

В.Гигин: Претензии предъявлять ученым необходимо. Но, чтобы этого не было, нужно ставить перед ними конкретные задачи. А наши управленцы со своей стороны должны научиться пользоваться их рекомендациями. Знаю, что у нас было очень много разработок, которые касались таких тем, как поиск национальной идеи, актуальных политических и социальных проблем. В «Беларускай думке», например, было несколько публикаций, которые еще за 2 — 3 года до наступления кризисных явлений указывали на слабые места в белорусской экономике. И предупреждали о возможности возникновения серьезных трудностей в экономике при неблагоприятной экономической конъюнктуре. Но они оказались невостребованными.

И.Котляров: Все верно. Ведь использование рекомендаций ученых-гуманитариев приносит не только социальный эффект, но и в ряде случаев экономический.

В.Гигин: Человек, условно говоря, может с отличием окончить БНТУ, стать хорошим инженером-строителем. Но это не значит, что он сможет эффективно управлять районом. Здесь задачи совершенно другого уровня. А с помощью ученых он, исходя, например, из социологического паспорта своего района, из других данных социологических исследований в том или ином направлении, мог бы значительно быстрее и качественнее выполнять свою работу. Неумение применять научные исследования в своей практической деятельности — это беда нашего управленческого аппарата.

«СБ»: В этом плане мы серьезно отстаем от развитых стран мира.

И.Котляров: Совсем недавно в нашем институте мы открыли новую специальность — «Политическая социология». Создали соответствующее структурное подразделение, ввели эту специальность в аспирантуру, в совет по защите. И сейчас у нас полным ходом идет подготовка специалистов этого профиля. И, как оказалось, очень и очень востребованная специальность.

А.Цыганов: Когда я работал ректором Белорусской сельскохозяйственной академии, мною было принято решение о создании у нас социологической лаборатории, которая бы проводила мониторинг качества аграрного образования. Сейчас, отмечу, она выросла до уровня республиканской. Без данных ее исследований принимать меры по совершенствованию учебного процесса, повышению качества образования было бы просто невозможно.

В.Гигин: А вот производственная социология — социометрия, к сожалению, у нас практически умерла. Хотя сегодня мы все чаще слышим вопросы: почему не хватает одних специальностей и избыток других, почему в производственных коллективах такие подвиги, движения, почему стала расти текучесть кадров? Чаще всего вызывают идеолога и ставят задачу обеспечить кадровую стабильность.

Бывает, ученый сам дарит чиновнику написанную им книгу по самым актуальным

проблемам. Чиновник повертит ее в руках, откроет — закроет, скажет, что книжка очень хорошая, и положит ее на полку в самый дальний угол.

В.Данилович: А тем временем книжный рынок Беларуси заполнили зарубежные издания, в которых историческое прошлое нашей страны подается через призму государственности других стран, где событиям, происходившим в Беларуси, или нет места, или они описаны с позиций других государств. Это создает у массового читателя неадекватное представление об истории нашей страны.

В.Гигин: В политологии, как мы знаем, изучаются политические режимы: авторитаризм, тоталитаризм и демократия. Причем изучаются в том классическом виде, в каком во всей Европе их уже давно не изучают. Читает, допустим, наш студент раздел об авторитаризме. А там пишется, что авторитаризм — это диктатура и так далее. Сопоставляя прочитанное с действительностью, он видит, что немало признаков авторитаризма наблюдается в политической реальности. Ну и какой из него политолог получится? Почему бы нам не освоить другую методику — сравнительную? Нужно объяснять студентам, что в чистом виде политические режимы не существуют. И что авторитарные тенденции, особенно в периоды выхода из кризиса, не только не плохи, а, наоборот, являются, возможно, одним из наиболее эффективных средств. Проявлялись они и в США в начале 30-х годов XX века во время правления Ф.Рузвельта.

И.Котляров: Недавно Президент поставил задачу модернизации политической системы. Понятно, что без соответствующей теоретической проработки модернизация не даст ожидаемого эффекта. Предполагается, например, что после перехода от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной или смешанной роль политических партий в обществе возрастет. Но возникает вопрос: а смогут ли партии в своем нынешнем виде и состоянии выполнять хотя бы какую-то роль в политической жизни? Рейтинг всех без исключения 15 политических партий колеблется от 0,3 до 1 процента. И что же это за политическая сила, которую поддерживает всего 1 процент населения?

В свое время у нас в стране существовала Партия любителей пива. И она в наших опросах получала до 10 процентов голосов. Случись выборы в Парламент по такой избирательной системе, в нем могло быть до 10 процентов депутатов от этой партии. И стоит ли ради этого менять избирательную систему? Прежде всего партии должны быть социально ответственными. Среди них не должно быть таких, которые стремятся уничтожить белорусскую государственность, разрушить политический строй и экономику страны.

«СБ»: Судя по всему, в гуманитарной науке в целом все нормально, нужно только несколько, так сказать, остудить пыл технократов?

В.Гигин: Нет, не совсем так. Проблем хватает. Например, при защите диссертаций нередко можно видеть, что работы опираются на очень слабую методологию. Либо вообще на никакую. Методы не используются при проведении исследований, а просто повторяются в тексте, как мантры. И как результат — их не востребованность. Вторая проблема — диссертабельность. Это когда тема определяется не по степени общественной важности и значимости, а по проходимости через совет ВАК. Мы столкнулись с тем, что по самым актуальным, самым острым проблемам становления белорусской государственности нет ни одной диссертации. Например, по древнерусской государственности, по государственности Беларуси в период Великой Отечественной войны. Далее. Восстания Костюшко, Калиновского на территории Беларуси. Я знаю одну диссертацию, которая касалась проблем политической борьбы периода середины XIX века. Но восстание 1863 года в ней вообще не было упомянуто. А потому что это место в работе вычеркнул научный руководитель. Сказал, что это проблемная тема и лучше ее вообще не касаться. Хотя в целом, надо признать, диссертация была хорошей.

А.Лазаревич: Очень трудно сегодня защищаться по социально–гуманитарным темам. Мы в этом плане по ряду показателей уступаем нашим коллегам в Украине, России, Польше, Прибалтике. Там есть доктора наук и в 30 — 35 лет. И я вижу, как теряется уверенность у магистрантов, аспирантов в том, что они смогут защитить свою тему. И такие опасения небеспочвенны, если судить по статистике прохождения диссертаций, к примеру, по философии, истории и так далее.

И.Котляров: У нас численность сотрудников постоянно снижается. На весь институт остался только один специалист по межконфессиональным отношениям. Хотя мы видим, что сегодня происходит в мире.

А.Коваленя: Сегодня, по нашим подсчетам, на 10 тысяч жителей Беларуси приходится около 9 ученых–гуманитариев. В России — около 20, в Англии — порядка 100. К сожалению, по этому показателю мы занимаем одно из последних мест среди развитых стран мира.

В.Гигин: Не будет своих обществоведов — придется пользоваться результатами исследований зарубежных. Понятно, куда мы придем таким путем.

А.Коваленя: Раньше нашим ученым приходилось ссылаться в своих работах на то, что написали россияне или поляки. Отталкивались от их интерпретаций исторических фактов и событий. А ведь только 20 лет назад мы стали серьезно заниматься прочтением зарубежных материалов в контексте именно национальной белорусской государственности. Тем не менее и сегодня отечественной историографии остро недостает национального прочтения первоисточников.

Недавно наши историки в сотрудничестве с российскими и украинскими учеными подготовили двухтомник «1941 год: страна в огне». Вы не поверите, как было нелегко прийти к общему мнению по поводу тех или иных событий. В российских источниках они подаются в одном свете, в украинских — в другом...

В.Гигин: Мы постоянно говорим о поиске своего национально–государственного пути. Но ведь не одни мы в Европе такие уникальные. Есть, например, словаки, есть словенцы, которые долгое время были лишены государственности. И страдаем мы в чем–то сходными болезнями. У нас это литвинизм, у словаков — хунгаризм. Мол, словаки — это самые что ни на есть настоящие венгры. А те венгры, которые называются сегодня венграми, просто украли у них историю.

Есть у нас и определенные беспокойства по проблеме языка. Как быть, если 90 процентов населения разговаривают на русском языке, когда титульный язык нации — белорусский? Но подобная ситуация и в Ирландии. Интереснейшая, кстати, тема для исследований: как, например, протекают социокультурные процессы у нас и у них.

А.Коваленя: Проблемы действительно есть. Но это, я считаю, болезнь роста. Решить все проблемы за какие–то 20 лет существования нашего независимого государства очень сложно, и делать это нужно неспешно, не допуская ошибочных оценок. Древняя мудрость учит: «Кто спешит с ответом, тот медлит с истиной». Но вы посмотрите, сколько сделано за это время. Практически с нуля. Ученые–гуманитарии ежегодно издают около 200 книжных изданий.

И вместе с тем у нас непочатый край работы, которую способны выполнить только академические ученые. Например, к нашему счастью, сегодня в архивах сохранилось около 600 книг метрик Великого княжества Литовского. Мы смогли подготовить и издать пока только 8 книг. Но и это большая работа. Я согласен, может, нам нет такой острой

необходимости издавать все 600 книг. А издать хотя бы 100 наиболее значимых, где отражена жизнь народа на белорусских землях. Вы представляете, какое влияние на объективное освещение истории нашей государственности оказали бы эти издания. Они должны стать доступными массовому читателю, особенно учителям.

Еще одна проблема — подготовка учебников. Ведь раньше, если помните, многие учебники писались в Москве. У нас 20 лет назад, по существу, не было национальной школы подготовки учебников по обществоведческим дисциплинам. Учебник написать намного сложнее, чем, например, монографию. За полгода такую работу не выполнишь.

Сегодня мы большое внимание уделяем именно обеспечению дальнейших научных исследований исходным материалом — фактами, подтвержденными документально. Работаем, что называется, на перспективу, для тех, кто придет после нас. Без этого двигаться вперед будет просто невозможно.

В.Гигин: У нас издаются очень хорошие, очень важные книги по истории, философии, социологии. Их достаточно высоко оценивают за рубежом. А некоторые наши ученые не подозревают даже об их существовании. Например, вышла просто шикарная хрестоматийная книга Сергея Александровича Шавеля по социологии. А у нас многие ученые об этом не знают.

А.Коваленя: И не только по социологии. За 2006 — 2010 годы гуманитарии подготовили более 300 монографий, которые получили общественное признание. На конкурсах книг многие отмечены республиканскими и международными призами. А вот тиражи — это действительно наша боль. Книги, которые издаются при финансовой поддержке зарубежных грантов, выходят тиражами несколько тысяч. А наши научные издания, в которых целенаправленно отстаиваются национально-государственные интересы, выходят в основном тиражом 200 — 500 экземпляров. В лучшем случае — полторы тысячи. Это не только существенно сужает читательскую аудиторию, но и не позволяет выступать «властителями дум». В этом деле следовало бы стихии рынка противопоставить государственный интерес...

А.Лазаревич: Поскольку одной из задач гуманитарной науки является планомерная подготовка людей к жизни в условиях высокотехнологичного, информационного общества.

«СБ»: Ведь причины духовного кризиса лежат не столько в экономике, сколько в социально-психологической сфере.

А.Лазаревич: Безусловно, психология «здесь и теперь, все и сразу» оказала большое воздействие на формирование кризисных явлений в белорусской экономике. Но вот как от нее избавиться? Если способствуют ей тысячи предприятий и миллиарды долларов рекламной индустрии, а противостоит только горстка ученых и преподавателей-гуманитариев. К чьим остерегающим советам общество отвыкло относиться всерьез.

И.Котляров: Я считаю, что в наше время значение гуманитарного знания даже выше, чем знания технического.

А.Коваленя: Гуманитарная образованность — это в первую очередь иммунитет против лжи, тиражируемой в интернете. Такого человека сложнее обмануть, выдать белое за черное и так далее.

А.Лазаревич: Самое важное — учить людей мыслить. Не «соображать» и «подсчитывать», а именно мыслить. Не штампами, не по алгоритму, как компьютер, а через понимание

процессов и явлений, выстраивание собственного отношения к ним как гражданина своей страны, наследника и носителя национальной культуры. Как учителя и воспитателя своих детей — какими мы хотим их видеть.

Так каков же практический выход нашей работы? Это книги. И не только сугубо научные — научно-популярные и учебные, доступные для прочтения и понимания любому образованному человеку. Это учебные курсы для вузов и средней школы. Это аналитические материалы, экспертные заключения по разным аспектам социальной жизни. И еще одно направление, которым мы будем заниматься очень пристально, — это подготовка практических рекомендаций.

А.Коваленя: Благодаря естественнонаучным и техническим знаниям мы можем последовательно умножать материальные блага, повышать уровень благосостояния людей. Но если этот процесс не будет сопровождаться ростом гуманитарного знания, уравниваться гуманистическим началом, мы будем растить из наших детей, условно говоря, хапуг, рвачей и разрушителей. В них не будет сформирован внутренний механизм, сдерживающий разрушительное начало в человеческой природе. И в отношении к обществу, людям, и в отношении к своей родной земле. То есть к Родине. Это придумано не нами. Главная цель гуманитарных наук — духовное совершенствование человека, «...дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения...».

Известно, что все наши беды имеют человеческое измерение. Разруха в душах — наш главный враг сегодня. Жизнеспособность любого народа во многом зависит от его исторической памяти. У каждого человека, кроме отчего дома, есть родная земля, родной язык, история и культура. Вот что самое главное, что нужно ценить, о чем никогда нельзя забывать.

Автор публикации: Иван КИРИЛЕНКО

Фото: Александр РУЖЕЧКА